

А. Б. Пермиловская

Культурные смыслы народной архитектуры. Храмовое зодчество Русского Севера

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. XIX – начало XXI в.» (проект № 1001 00470 – А), 2010 г.

Основу мировоззрения русского крестьянства составляло «народное православие». В метафоре «как мера и красота скажут» сформированы смыслы строительной и культурной традиции, народное мировоззрение. Сохранение и трансляция его культурного кода проявились в деревянном зодчестве и в храме как феномене традиционной культуры Русского Севера.

Ключевые слова: храм, Русский Север, народное зодчество, народное православие, культурный код, метафора.

A. B. Permilovskaya

Cultural Senses of the National Architecture. Church Building of the Russian North

The Russian peasant's world view was based on a combination of Orthodoxy and pagan beliefs of Slavic, pre-Christian. At present, this belief system is called "folk Orthodoxy". The metaphor "As measure and beauty tell" contains the meaning in the building and cultural tradition, in the folk outlook. Folk wooden architecture, including church construction, expresses the conservation and translation of this cultural code as a phenomenon of the Russian North traditional culture.

Key words: church, the Russian North, national architecture, folk Orthodoxy, cultural code, metaphor

Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим ландшафтом, обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая, в свою очередь, влияла на его поведение и мировосприятие. Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство, превратившее Русский Север в особую «страну зодчих» – уникальный заповедник деревянной церковной архитектуры. Храм как наиболее семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского «мира». Для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края, в них воплотились религиозные представления и ценности. Храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. В этом явлении просматриваются определенные черты системы духовных ценностей общества, особенности мировоззрения создателей и заказчиков храмов. «Имя оценивается церковью, а за нею всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия» [15, с. 38].

Выбор святого или праздника, в честь которого сооружалась церковь или часовня, не был слу-

чаен. «Список священных имен был достаточно компактным и устойчивым на всем пространстве Русского Севера» [12, с. 82]. По данным Холмогорской и Устюжской епархии, «больше всего было выстроено часовен во имя Николая Чудотворца, вмч. Георгия, Флора и Лавра, Власия Севастийского и Ильи Пророка» [1, с. 16]. Подобный выбор типичен для крестьянина, земледельца и скотовода, вполне соответствует традиционной «специализации» православных святых в народной культуре. Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая, что справедливо подтверждает народная поговорка: «От Холмогор до Колы – тридцать три Николы» [9, с. 32]. В образе Святого Николая воплотились верования северян в своего русского и морского бога. В результате этого дни чествования Николы совпадали с народно-хозяйственным и промысловым календарем. В Поморье к ним приурочивались многие артельные обычаи и праздники. Икона с изображением Николая Чудотворца была в местном ряду почти каждого северного храма и в красном «святом» углу крестьянской избы. «В иконе Николы усматривается как бы квинтэссенция иконы как таковой, то есть выражение самой сущности иконы» [14, с. 14]. Недаром в народе бытовала поговорка: «Нет икон как Никол», и существова-

ло убеждение, что вообще каждая икона Николы является чудотворной.

Похожую ситуацию можно наблюдать в Пинежье. Выявляются следующие смысловые доминанты местной сакральной традиции. Двенадцать храмов и приходов было посвящено Николаю Чудотворцу, были освящены десять часовен и возведены Никольские обетные кресты, в Сурском приходе находился ручей Никола. Святыни в честь Георгия, покровителя скота, также образуют значительную в количественном отношении группу: шестнадцать церквей, двенадцать часовен. У Георгиевских храмов и часовен кропили (то есть освещали) скот при первом выгоне, совершали молебны в случае пропажи или болезни домашних животных. Третью позицию в ряду святых занимает Параскева Пятница – покровительница женского труда [6].

Значимая роль храма в структуре микро- и макрокосмоса отразилась также в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), поселения. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие особый сакральный статус и обладающие высокой степенью семиотичности в традиционной культуре. Выбор места для строительства деревни и храма в народных представлениях был идентичен. Об основании церкви в д. Падааны Медвежегорского района Карельской АССР читаем следующее: «...*лошадь* запрягали на дровни, на дровни клали *бревно*, ставили *икону* и пустили лошадь, а где она встала, там и *церковь* строили» [7, с. 42]. Конь в народной традиции – одно из наиболее мифологизированных животных, медиатор между мирами.

Основу мировоззрения русского крестьянства составляло православие, куда вошли дохристианские, языческие верования славян. В настоящее время оно получило название «народное православие».

Христианство трансформировало крестьянские культуры. Можно сказать, что какая-то часть народной религии дохристианской Европы выжила и сохранилась, приняв форму календарных праздников и трансформировавшись в культ святых [16].

Говоря о культурных смыслах народной архитектуры Русского Севера, нужно отметить, что польза и красота, материальные и духовные интересы крестьян неразделимы, а годовой цикл воспринимается ими не просто как смена времен

года, а как кругооборот сакральных, дающих жизнь и плодородие сил земли. Вот почему начало и окончание сельскохозяйственных работ (например, сева, жатвы) отмечали как большие праздники, сопровождаемые обрядами, песнями, играми.

Для мировоззрения крестьян характерна целостность, синкретичность восприятия мира во всех его проявлениях, постоянное ощущение взаимосвязанности людей и природного универсума, включенность человека в космические и природные ритмы. Крестьяне не стремились выделиться из окружающей природы, бороться с нею. Важнейшим для занимающихся сельскохозяйственным трудом людей было ощущение стабильности, уверенности в постоянстве ежегодного кругооборота, закономерной смены времен года, необходимой для того, чтобы посеять, вырастить и собрать урожай, составляющий основу благополучия и жизни крестьянской семьи. Нужно также признать, что в народном христианстве вплоть до наших дней находят проявление некоторые черты мифологического мышления. По данным словаря мифологических существ русского фольклора, даже в церкви, где днем служит священник, ночью могут отправлять свои службы покойники и нечистые духи. И это не две разные церкви, а одно священное, пронизанное сакральными силами пространство [3]. По материалам Вологодской губернии, в церкви обитает особый дух – *церковник*. Он имеет облик старика, человека в белом и, в общем, сходен с *колокольным манном* – духом, обитающим на колокольне.

В свете особенностей ментальности крестьянства Русского Севера необходимо также рассматривать устойчивые метафоры, отражающие ценности народного самосознания. «Мера и красота» – метафора, характеризующая единство усилий в борьбе за материальное начало и торжество духа в древней Руси. Эту сопряженность материального и духовного лучше всего демонстрируют два предмета, традиционно присутствующие в каждой крестьянской избе: топор и икона [2]. Топор – это универсальный инструмент в руках северного плотника, с помощью которого «*можно и дом построить, и ложку вырезать*» [5, с. 784]. Икона, как священный образ, являлась хранителем крестьянина. Сакрализация плотницкого ремесла порождала оппозицию: святое / нечистое. Это зависело от специализации плотницкой артели. Плотники, строившие дома или хозяйственные постройки, наделялись нечистой, колдов-

ской семантикой: «С плотниками, которые избу рубят, надо честно обходиться, чтобы они не заговорили избы на голову хозяина» [5, с. 109]. В с. Кимжа Мезенского района в интерьере крестьянской избы было зафиксировано «злыднево дерево» – это нарост на бревне, использованном для строительства дома 1909 г. По воспоминаниям хозяйки, он приносит несчастье его владельцам. «Два их в доме – над печкой и за печкой. Это злыднево место. Люди не живут. У кого купили дом, были бездетны. И у нас дочь умерла» [10, с. 253].

Строители храмов, напротив, считались святыми людьми, наделенными божественной силой. Это противопоставление двух ипостасей сакрального по своей природе плотницкого мастерства основано также на оппозиции: дом/храм, что соразмерно микрокосмосу/макрোকосмосу. Оппозиция дом/храм позволяет объяснить глубинную семантику мотива священного топора. Предание о построении Преображенской церкви на острове Кижы гласит, что построил ее легендарный мастер Нестер и «на одном бревне он вырубил: “Церковь эту построил мастер Нестер, не было, нет и не будет такой... Нестер со священным топором поднялся до последней главки, привязал до креста алую ленту, а топор закинул в озеро и поклялся, что такого чудесного храма нет нигде, и не будет больше никогда, и топор этот никто не найдет. И тогда начали святить церковь, а Нестера больше никто не видел”» [7, с. 45–46]. Мотив заброшенного священного топора раскрывает глубокую мифологическую идею завершенности храма, его уникальности и неповторимости. Он всегда закончен в строительстве. Это подчеркивает различие между сакральным характером строительства храма и профаническим характером строительства дома. Последнее не знает конца, никогда не достигает завершенности, поскольку окончание его строительства знаменует смерть главы семьи или кого-либо из домочадцев [12, с. 101].

При изучении народной архитектуры очень важен такой подход, который предусматривает рассмотрение культуры народа изнутри, с его точки зрения, так как народ и творит эту культуру и передает ее последующим поколениям. Такой подход открывает широкие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, для реконструкции целостной картины мира их носителей. В проблемном поле исследования подобный подход используется для выявления культурного кода. В основе гипотезы ис-

следования лежит народная метафора «как мера и красота скажут», которая выступает как код севернорусской культуры. Эта метафора берет начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества. Крестьянский волостной мир для строительства церковью приглашал профессиональных мастеров-плотников. В порядных – своеобразных письменных заданиях-договорах на строительство, выполняющих роль юридического документа – подробно оговаривалось, какой должна быть церковь. Это были своего рода словесные чертежи, где в качестве образцов приводились аналогичные постройки и формы. Но, получив представление о будущем строении, мастера должны были полагаться на свой опыт, чутье и вкус. Недаром в старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками), обычно встречаются такие выражения: «...а строить вышотою, как мера и красота скажут» [10, с. 254].

Не следует забывать, что язык – один из важнейших кодов культуры, ее первоначальная, древняя основа, которая всегда стоит за любым культурным знаком, ибо все выраженное культурными текстами может быть выражено средствами языка [13]. И хотя метафорическое высказывание принадлежит к сфере языка, «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [8, с. 230], ибо она отражает глубинный смысл внутри концептуальных областей. Анализ метафоры в научном исследовании дает возможность рассматривать ее как важнейший источник для выявления культурного кода [11]. Народная культура с ее календарем, предсказаниями, знаменами, приметами создает свою версию метафорической символики. Метафора используется в рамках научного дискурса, что связано с расширением трактовки этого понятия – как любого способа выражения смысла текста. В человеческом сознании существуют основополагающие метафоры, которые определяют видение мира и стиль мышления. Метафора как код культуры служит для выявления эвристических научных гипотез. Практически всякое новое научное понятие появляется как некая метафора, становясь точным понятием лишь с течением времени. В метафоре «как мера и красота скажут» сформированы смыслы строительной и культурной традиции, народное мировоззрение. Сохранение и трансляция его культурного кода проявились в народном деревянном зодчестве и в храме как феномене традиционной культуры Русского Севера.

В качестве примера можно привести уникальный из сохранившихся сельских ландшафтов: село Кимжа на Мезени представляет собой феномен культурного ландшафта, который складывался столетиями начиная с начала XVI века. Здесь сохранилась традиционная прибрежно-рядовая и уличная планировка с архитектурной доминантой – Одигитриевской церковью (1709); народная архитектура – жилище, амбары, бани, ветряные мельницы, обетные и кладбищенские кресты, сакральные места, а также народная культура, фольклор, традиционная система природопользования и уклад жизни, культурный ландшафт. Обследование поселения Кимжа проходит в Институте экологических проблем Севера УрО РАН по проекту «Уникальные исторические поселения Русского Севера» [10]. Кимженская церковь – это редкий по красоте, силуэту и плотницкому мастерству храм, что, безусловно, позволяет отнести ее к выдающимся произведениям не только русского, но и мирового деревянного зодчества. Она построена из самого прочного на Русском Севере строительного материала – лиственницы. Одигитриевский храм обращен одновременно к реке и к главной площади села, которую окружали дома богатых кимженских крестьян. Он неразрывно связан со всем окружением и в то же время господствует над округой. При высоте 38 м церковь вертикалью противостоит горизонтальным линиям берега и вытянувшемуся на 1,5 км селу. Храм поставлен в излучине реки Кимжа, где она делает поворот, так что порядки домов, повторяющие изгибы берега, с обеих сторон упираются в церковную площадь. Церковь гармонично слита с окружающим ландшафтом и поставлена настолько удачно, что главки храма видны почти из каждой кимженской избы. Архитектура храма во многом определялась местом, и каждый раз силуэт ее заново возникает с разных панорамных точек (при подходе к деревне, со стороны леса, кладбища, с реки), поражая красотой и совершенством. Одигитриевская церковь – один из трех сохранившихся памятников культового деревянного зодчества редкого типа «шатер на крещатой бочке».

Необыкновенно сильное впечатление производят группы таких церквей на северных реках, издали их можно принять за укрепленные городки с множеством башен и глав. Особенно хороша была группа церквей Юромского погоста на Мезени, производящая захватывающее впечатление беспощадной суровостью своих простых контуров [4]. Ансамбль утрачен в 30-е гг. XX века.

Несомненно, архитектура Одигитриевской церкви в Кимже сформировалась под влиянием знаменитой Михайло-Архангельской церкви Юромского погоста (высота около 44 м). Тип храма «шатер на крещатой бочке» появился во второй половине XVII века и был творческим ответом северных зодчих на церковные реформы патриарха Никона, одно из положений которых запрещало строить на Руси шатровые храмы. Именно в этот период получили распространение компромиссные формы культовых построек между шатром и пятиглавием – «кубоватые» (Онега, Каргополье, побережье Белого моря) и «шатер на крещатой бочке». Вместе с тем сочетание шатра и крещатой бочки свидетельствуют о явной тенденции в формообразовании – крещатое покрытие выявило местоположение вертикальной композиционной оси постройки. Шатер закрепил ее положение в пространстве, а ярусное построение усилило ощущение устремленности вверх. Вероятно, многие из пинежско-мезенских храмов строила одна артель плотников, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям. Таким образом, не случайно церкви Юромы и Кимжи особенно близки по конфигурации плана и по внешним формам. Кимженский храм, *«первый плотник, который ту церковь строил и с мирскими людьми рядился»* был Иев Прокопьев из д. Лампожня, выступавший как руководитель артели [10, с. 346].

Композиция церкви на удивление проста, но эта та простота и естественность, что сродни гениальности. Основное помещение храма – четырехгранный сруб на высоком подклете, внутрь которого могла свободно въехать лошадь с возом. С восточной стороны пятигранный алтарный прируб, перекрытый килевидной бочкой – кошником. С западной стороны расположены большая просторная трапезная, притвор, колокольня и двухвходное крыльцо. Нарастающее движение снизу вверх подхватывается упругими контурами бочек, далее – главками, напоминающими в разрезе форму бочек. И это стремительное движение вверх заканчивается в центральной части храма – шестигранном шатре с главой. В зависимости от ракурса восприятия, смены освещения и времени года храм предстает в разном облике. Церковь обладает удивительной архитектурной особенностью, в основе которой лежит основной принцип народного зодчества и божественной гармонии мироздания «как мера и красота скажут», запечатленный в образе храма.

Библиографический список

1. Акты Холмогорской и Устюжской епархий : в 3 ч. – СПб. , 1890–1908. – Кн. 3 : Акты Лодомской церкви [Текст] / ред. В. В. Майков. – М. , 1908. – 1268 с.
2. Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор: опыт истолкования истории рус. культуры [Текст] / пер. с англ. Дж. Х. Биллингтон. – М. : Рудомино, 2001. – 880 с.
3. Власова, М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеве-рий : ил. слов. [Текст] / М. Н. Власова. – СПб. : Северо-Запад, 1995. – 380 с.
4. Грабарь, И. Э. О русской архитектуре: исследо-вания, охрана памятников [Текст] / И. Э. Грабарь. – М. : Наука, 1969. – 423 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого велико-русского языка. Т. II [Текст] / совмещ. ред. В. И. Даля, И. А. Бодуэна де Куртенэ в соврем. написании. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 1118 с.
6. Иванова, А. А. Святые места в культурном ландшафте Пинежья [Текст] / А. А. Иванова, В. Н. Калущков // Поморские чтения по семиотике культуры : сб. ст. – Архангельск, 2008. – Вып. 3: Са-кральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. – С. 486–497.
7. Криничная, Н. А. Предания Русского Севера [Текст] / Н. А. Криничная. – СПб. : Наука, 1991. – 325 с.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : ЛКИ, 2008. – 256 с.
9. Максимов, С. В. Год на Севере [Текст] / С. В. Максимов. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 605 с.
10. Пермиловская, А. Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст] / А. Б. Пермиловская. – Архангельск : Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 552 с.
11. Свирепо, О. А. Метафора как код культуры : дис. канд. филос. наук : 24.00.01 [Текст] / Оксана Анатольевна Свирепо. – Ростов н/Д, 2002. – 22 с.
12. Теребихин, Н. М. Сакральная география Рус-ского Севера [Текст] / Н. М. Теребихин. – Архан-гельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1993. – 223 с.
13. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов [Текст] / С. М. Толстая // АБ–60 : сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. – СПб. , 2007. – С. 23–31.
14. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского [Текст] / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.
15. Флоренский, П. А. Имена [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Купина, 1993. – 319 с.
16. Элиаде, М. Аспекты мифа : пер. с фр. [Текст] / Мирча Элиаде. – М. : Акад. проект, 2001. – 240 с.